

Вырезка из газеты

МОСКОВСКАЯ
ПРАВДА

г. Москва

з. 2019

ДРАМАТУРГ ТАНЦА

ПЕРЕБИРАЯ наиболее часто употребляемые применительно к балетмейстерскому дару словосочетания, такие, как «поэт» или «архитектор» танца, приходишь к выводу, что они не определяют главного в самобытности таланта народного артиста СССР, лауреата Ленинской премии Юрия Николаевича Григоровича. Точнее всего, его можно было бы назвать «драматургом танца». Из многочисленных жанров хореографического искусства ему, пожалуй, наиболее близка танцевальная трагедия и танцевальная драма. Григорович сочиняет танец не для того, чтобы любоваться его поэтической красотой, а чтобы насытить его конфликтами, столкновениями страстей, бурной динамикой чувств. И в соответствии с этим герои его балетов — люди с неукротимыми чувствами, благородными порывами, неистовым стремлением к подвигу.

Уже в первых своих работах, поставленных около двадцати лет назад на сцене Ленинградского театра оперы и балета имени С. М. Кирова, — в балетах «Каменный цветок» и «Легенда о любви» Григорович достаточно четко высказал свое творческое кредо. Совместно с художником С. Вирсаладзе (их содружество не прерывалось с тех пор ни в одном спектакле) он освободил сцену от бытового интерьера, а танцевальное действие от бытовых мотивировок и дивертиментных пауз, внес в балетный спектакль экспрессию современного мира и психологическую сложность современных героев. Все было необычно в этих постановках: хореографический язык подчас на грани акробатики и безупречно логичная режиссура, непрерывность действия и четкий ритм чередования контрастных эпизодов. Окон-

чательную стройность и законченность эти принципы приобрели позднее — в балете «Спартак», поставленном на сцене Большого театра в 1968 году и вскоре удостоенном Ленинской премии.

Новые принципы построения спектакля, новая техника требовали и новых исполнителей. Не случайно поэтому Григорович обращается к молодежи: Ирине Колпаковой и Юрию Соловьеву в Ленинграде, Екатерине Максимовой и Владимиру Васильеву в Москве. И если сегодня их имена неотделимы от образов, созданных фантазией хореографа, то и имя Григоровича трудно отделить от блистательной плеяды танцовщиков — единомышленников, воплотивших эти образы на сцене.

В стремлении обновить балетный спектакль, сделать его понятным даже неискушенному зрителю (об этом свидетельствует, кстати, необычайная для балетного театра популярность «Спартака»), балетмейстер ввел в обиход танцевальной драмы такие понятия, как монолог и диалог. В отличие от привычных для классического балетного спектакля вариаций, дуэтов и па-де-де, чаще всего призванных демонстрировать танцевальную технику, монологи и диалоги Григоровича раскрывают внутренний мир героев, рассказывают об их сложных взаимоотношениях. В созвучии с характерами героев их танец может быть певучим или ломким, наполненным чувст-

вом или намеренно холодным, но в любом случае это будет великолепный образец действенного танца глубокого психологического содержания.

С именем Юрия Григоровича в истории современного балета связана целая эпоха. Вот уже второе десятилетие этот талантливый хореограф возглавляет балетную труппу Большого театра. За это время он сумел оказать неоспоримое влияние на все стороны хореографического искусства — обогатить и осовременить язык классического танца, усложнить его технику, сделать иным художественный облик спектакля и манеру актерского исполнения и, что самое главное, насытить балет современным содержанием, современным героическим пафосом. Одним ближе философская глубина «Легенды о любви», другим героический пафос «Спартака», иных привлекает поэтическая сказочность «Щелкунчика», других — трагическая дисгармония «Ивана Грозного», но, пожалуй, никого — ни зрителей, ни профессионалов — соприкосновение с хореографией Григоровича не оставляет равнодушным.

Не так давно балетмейстер осуществил постановку балета на современную тему — «Ангара» А. Эшпая — постановку, во многом не похожую на его прежние работы, в чем-то даже с ними полемизирующую. И это, пожалуй, наиболее яркий симптом неустанности его творческого поиска, перспектив и надежд.

Л. МАРКОВА.